

Варварство как итог либеральной контрреформы

В начале XX века Роза Люксембург произнесла знаменитую фразу: «Социализм или варварство!» Может быть, это было несколько несправедливо по отношению к историческим варварам, тем самым, от которых ведут свое происхождение большинство граждан сегодняшних европейских государств. В конце концов, именно из варварских нашествий на Европу родился новый мир, породивший современную цивилизацию. В этом была своя закономерность. Не варвары разрушили цветущую цивилизацию Рима, а сама эта цивилизация на определенном этапе развития уничтожила себя. В этом отношении логика Розы Люксембург более чем понятна: буржуазная цивилизация идет по пути античной, разрушая собственные основания. И она либо рухнет, уступив место новому варварству, которое восторжествует на ее руинах, либо уступит место социализму, который является логическим завершением процесса демократизации, начатого буржуазными революциями прошлого.

В XX веке пророчество «красной Розы» сбылось в обеих своих частях. Социализм стал из теоретической идеи практической возможностью. Он не восторжествовал — вопреки советской пропаганде — «полностью и окончательно» на одной шестой части суши и в других местах, где были провозглашены коммунистические принципы, но он вышел за рамки иде-

ологических построений и утопических мечтаний, его пытались реализовать, за него боролись. Социалистические отношения, пусть и непоследовательно, но получили возможность для развития в самых разных уголках мира от Сибири до Швеции. С одной стороны, социал-демократические правительства внедряли в западное общество элементы солидарности, коллективного принятия решений и нетоварной экономики. Их демократический социализм был не более чем дополнением к капитализму, корректировкой системы, сохранявшей прежние основания. С другой стороны, советский общественный строй, провозглашая социализм в идеологии, был далек от этого идеала на практике, но не был он и полностью чужд ему. Огромное влияние, которое СССР оказал на историю человечества, связано именно с героической попыткой прорыва к новым общественным отношениям. Эта попытка потерпела крах, но даже в виде трагической неудачи советский опыт остается главным содержательным, идеологическим «стержнем» истории XX века. Социализм присутствовал в мире как реальная практика, даже если он не сложился в качестве победоносной системы.

Но и варварство продемонстрировало в XX веке свои возможности — мировые войны, фашистские диктатуры, атомные бомбы, напалм, сталинские лагеря и ста-

дион в Сантьяго-де-Чили, новые технологии массового уничтожения людей, не менее изощренные и жестокие технологии их массового оболванивания — вот еще один вклад ушедшего столетия в историю человечества.

Начало нового века выглядит в идеологическом плане совершенно иначе, чем начало века прошлого. Итогом потрясенный ушедшего столетия должно было стать благополучие потребительского общества в политической оболочке стабильной либеральной демократии. И то и другое было предложено в качестве нового светлого будущего всего человечества, даже если изрядная его часть пока не имела доступа ни к плодам демократии, ни к радостям потребления.

На деле, однако, утопия нового либерализма оказалась самой недолговечной и неубедительной из всех утопий, покорявших умы людей за последние столетия. В отличие от либерализма классического, неолиберализм не смог предложить людям сколько-нибудь внятного набора духовных ценностей или яркой, вдохновляющей перспективы. В отличие от своего именитого предшественника он был явно не в ладах с идеей прогресса, даже если время от времени говорил о прогрессивных методах или людях, демонстрирующих свое превосходство над отсталой массой наиболее эффективными способами добыwania денег. Не случайно единственный философский текст неолиберализма был посвящен «концу истории». Эта идеология не видела будущего и боялась его.

Однако закономерное разложение неолиберализма (сперва как идеологии, а потом и как экономического порядка) в условиях исторического поражения социализма привело не к возвраще-

нию левых идей на авансцену общественной борьбы, а к распространению еще более реакционных и мрачных воззрений и практик. И дело не только в возрождении ультраправых сил, которые казались полностью разгромленными в военном и политическом плане после Второй мировой войны. Дело не только в национализме, расизме и ксенофобии, которые вышли из подполья (что случилось с политкорректными европейцами — они резко изменились под влиянием кризиса или просто «перестали притворяться»?). В конечном счете самую большую опасность устоям современной демократической цивилизации представляет сам неолиберализм, стремительно утрачивающий всякую, даже внешнюю связь с прогрессивным либерализмом прошлого. Избавившись от социалистического вызова, справившись с угрозой революции, капитализм начал дичать на глазах. Ведь именно эта угроза восстания и свержения делала правящие классы социально ответственными, а капиталистические отношения «цивилизованными». Партии организованного пролетариата выступали на протяжении XX века в роли дрессировщика рынка. Но этого дрессировщика в одних странах к концу столетия съели, а в других случаях он сам присоединился к хищникам, надеясь на участие в разделе добычи.

Неолиберализм не находит ответа на вопросы, порожденные противоречиями его собственной модели, но он сохраняет политическое и идейное господство в условиях, когда ему нет альтернативы. Правящие классы не могут ничем эффективно управлять, но не могут и быть отстранены от управления. Власть разлагается. Ее прак-

тика становится все менее рациональной, а итоги подобной деятельности — все более разрушительными. Идет наступление на социальную сферу, разрушение пенсионной системы, здравоохранения, образования. Рынок распространяется на те сферы жизни, которые были тщательно защищены от него — ради стабильности и воспроизводства самого же капиталистического общества — на протяжении предыдущих столетий буржуазного развития.

Социализм потерпел поражение, варварство торжествует.

Но является ли подобное торжество варварства окончательным и необратимым? Или перед нами лишь драматический и страшный момент истории, за которым последует новый подъем освободительного движения? Быть может, угроза нового варварства заставит нас мобилизовать все свои

силы и ресурсы для нового рывка, для того, чтобы самим подняться на борьбу и поднять за собой окружающее общество? И может ли Россия — страна, пережившая после падения «советского коммунизма» один из самых радикальных и разрушительных неолиберальных экспериментов в Европе, стать страной, где в конечном счете новое варварство потерпит такое же решающее поражение, как фашистское варварство потерпело под Сталинградом?

Будущее темно, а вера в неизбежно прогрессивный ход истории рухнула вместе с надеждами на быстрое торжество социалистических идеалов, типичными для радикальной интеллигенции начала прошлого века.

Ясно лишь одно: если у нас не будет — в политическом смысле — нового Сталинграда, то рано или поздно нас ждет новый Освенцим.